

ЮРИЙ БАРАТАШВИЛИ
ВЕК ЦИНИЗМА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Бараташвили

Век цинизма

<https://litres.ru/74377058>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Издёвка соседствует с симпатией, смех со слезами, внутри пафоса скрывается сарказм и наоборот. Замечательно хорош сам Пан Ярустовский: стремление воплотить в жизнь некие идеалы и практическое осуществление оных через задницу, жажда деятельности и неприязнь к систематической работе, целеустремлённость и инфантильная какая-то безответственность, желание созидать и скрытое потребление, проницательные суждения и пещерная демагогия. И всё в одном флаконе. Здорово!" (Е. Л.)

Содержание

Вступление, в котором автор сам пытается понять, о чём пишет	4
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Век цинизма

Памяти Алексея Балабанова

роман-трагифарс в трёх частях

*Главная особенность России – не
воровство, не коррупция, не
глупость, не злоба, не хамство,
не тщеславие, не невежество.*

*Главная особенность России – это
херня! Всякая херня!*

Александр Моисеевич Пятигорский

Вступление, в котором автор сам пытается понять, о чём пишет

- Слушай, Бараташвили! Вот скажи мне: на кой чёрт оно мне надо – читать всю эту бредятину, что ты тут понаписал?
- Ну не хочешь – не читай. Я ж тебя не заставляю.
- Ну хотя бы о чём этот роман?
- Сам не знаю. Если б знал – не написал бы.
- А на хрена ты тогда его вообще написал?
- Вот захотелось – и написал.
- Прям вот так захотелось – и написал? И только?
- Этого более чем достаточно.

– А для кого ты эту чушь написал? Для какого такого читателя?

– Исключительно для себя.

– И только?

– Этого более чем достаточно.

– Ну хотя бы чем так интересна личность Пантелея Ярустовского, чтобы мне тратить время на прочтение о нём целого романа?

– Это ты сам решать будешь, когда прочтёшь – интересна или нет.

– Что он такого сделал, чтобы о нём стоило поведать миру?

– Да ничего толком не сделал. Пытался – и то ничего не вышло.

– Ну и на кой чёрт он мне в таком случае нужен?

– Но ведь он хотя бы пытался.

– Да ты ж ничего толком о нём и не сообщаем.

– Да я и сам о нём ничего толком не знаю. Кроме того, что он сам о себе рассказал.

– И какую мораль можно извлечь из твоей никчёмной писанины?

– Я ж не священник, чтоб проповеди читать.

– Короче: ты сам не знаешь, о чём твой роман; ты написал его для себя, потому что тебе просто так захотелось; ты не знаешь, в чём его мораль – при этом ты, конечно, уверен, что роман хороший и прочесть его стоит?

– Ей-богу не знаю. Это ты сам решать будешь, когда прочитаешь.

– Одним словом, никакой сколько-нибудь серьезной мотивации на прочтение твоего романа ты мне дать не можешь?

– Ежели так рассуждать – вообще ничего никогда читать не стоит.

– Что же за человек такой этот Пан Ярустовский? Ты же должен знать о нём хоть немного больше того, что пишешь.

– Я не знаю о нём даже того, что пишу.

– Ну хотя бы сколько ему было лет?

– Тридцать – тридцать пять. Точно не знаю. По виду не скажешь.

– Откуда он приехал и куда уехал?

– Приехал ниоткуда и уехал в никуда.

– Может, ты хотя бы знаешь, кто были его родители?

– Понятия не имею.

– Где и на кого учился? Чем занимался до приезда в Москву?

– Ума не приложу.

– И что такого с ним там случилось, что он сбежал на товарном поезде без вещей, денег и документов?

– Не имею ни малейшего представления.

– А где он и чем занимается сейчас? Хотя бы жив ли ещё?

– И этого не знаю.

– Ну хоть точное время действия можешь назвать?

– Точно не помню. Но было это где-то в середине девяно-

СТЫХ.

– И сколько же всего Пан Ярустовский пробыл в Москве?

– Десять дней. Всего десять дней, которые почти и не были наполнены ничем, кроме пьянки и болтовни, но тем не менее запомнились мне на всю жизнь.

– Почему-то только тебе одному.

– Пожалуй, ты прав. Никто из действующих лиц моего повествования уже и не помнит бедного Пантелея. Даже Боря Тельман, с которого всё и началось.

Часть первая

Глава первая, в которой Пан с удивлением обнаруживает, что он в Москве

Боря Тельман был невысокий молодой человек с длинными волосами и запущенной бородёнкой. Он жил в тесной однушке с женой и двумя грудными крикунами. Жену его никто, кроме Пана, в глаза не видел. Боря почти не упоминал о ней в разговорах. Глядя на него, трудно было поверить, что у него вообще может быть жена, а тем более дети. Лет-то ему было двадцать пять, не больше.

Дело было ранней осенью, в самом начале учебного года. Тем утром Боря вышел на улицу купить сигарет. Хотя это скорее был повод отдохнуть от детского крика. Тем более погода была отличная, а до ближайшего табачного ларька надо было идти к метро. Он был рад прогуляться подольше и подышать свежим воздухом.

Купив сигарет, Боря заметил возле выхода из метро мальчика, играющего на скрипке, футляр из-под которой лежал на асфальте для сбора денег. Мальчику было лет восемь-девять. Он был чумазый и тощий, как тростинка. Несколько прохожих стояли неподалёку и слушали. Ребёнок наигрывал

классические мелодии, смешивая одну с другой. Всё мимо нот, зато слезливо и трогательно.

Боря отдал за сигареты последнюю мелочь. Ему было неловко, что парню нечего кинуть. Поэтому он не подходил близко, а стоял поодаль, потягивая папироску и наслаждаясь музыкой. Даже гнусавые трели маленького скрипача были ему приятнее круглосуточных младенческих воплей.

– Классно лабает! – услышал он позади себя приятный баритон и обернулся.

Судя по голосу, сзади должен был стоять интеллигентного вида юноша в очках и с книгой под мышкой. Но Боря даже слегка вздрогнул, увидев двухметрового бритоголового амбала.

– Да не бойся, я добрый, – успокоил его здоровяк и улыбнулся.

С его пугающей внешностью ну никак не сочеталась невинная детская улыбка, не говоря уж о голосе.

– Угостишь сигареткой?

Боря дал незнакомцу прикурить и почувствовал исходящий от него крепкий запах пота. Затянувшись с таким наслаждением, будто месяц себя сдерживал, здоровяк задал Боре неожиданный вопрос:

– Слушай, извини, мы вообще где?

– В смысле? – не понял Боря.

– В смысле – что это за город?

У Тельмана округлились глаза.

- Ты чё, с луны свалился?
- Вроде того. С товарняка слез.
- Да ну, хорош заливать!
- Кроме шуток. Три дня ехал.
- И откуда ж ты такой взялся?
- Издалека. Отсюда не видать.

Голос и улыбка незнакомца располагали к панибратскому с ним общению, несмотря на его габариты. В первую минуту все пугались его, но стоило перекинуться с ним парой словечек – казалось, вы друзья детства.

– Ну так ты мне скажешь, куда занесла меня нелёгкая? – настаивал амбал.

– Ты в Москве! – сказал Боря так громко, что даже прохожие обернулись поглядеть на человека, не знающего, что он в Москве.

- Да ладно! – не на шутку удивился тот. – Я в столице?
- В ней самой! Златоглавой!

Только теперь по выражению лица здоровяка Боря понял: тот и в самом деле не знал, что он в столице.

– Как же тебя угораздило? – спросил Тельман. – С кем только не приходилось общаться, но таких чудачков ещё не встречал!

- Так вот и угораздило. Сел на товарняк и поехал.
- От чего бежал?
- От жизни.
- А здесь что – не жизнь?

– Здесь тоже жизнь. Но всё ж какая-то другая.

– А может, мы сами делаем нашу жизнь такой, какая она есть? Из чего следует, что свою жизнь ты притащил сюда за собой.

Амбал пристально взгляделся в лицо Бори и задумчиво почесал бритый затылок.

– Да ты философ!

– У тебя деньги хоть есть?

– Ни гроша.

– А документы?

– Дома оставил.

– А ночевать-то где собираешься?

– Не знаю ещё. Может, у тебя?

Тельман удивился бы его наглости, если бы уже не смирился с тем, что от этого чудака можно ожидать чего угодно.

– Тебя как звать-то?

– Пантелей. А тебя?

– Борис. Будем знакомы.

Мужчины крепко пожали друг другу руки.

– Слушай, ты меня извини, – сказал Боря, – но в моих условиях это нереально. У меня тесная однушка, жена, двое грудных детишек – словом, полный дурдом. Но ты всё же обратился по адресу. Отвезу-ка я тебя в одно местечко, познакомлю с одной одиозной компанией. Думаю, с этими ребятами ты найдёшь общий язык. А пока зайдём ко мне перекусим. Да и помыться бы тебе не мешало.

– Спасибо, дружище! Вот повезло мне тебя встретить!

И Боря повёл Пана к себе домой. В наши дни это показалось бы странным. Но тогда, в девяностые, наш народ ещё не совсем привык к тому, насколько всё вдруг в одночасье изменилось. Боря был ещё молод. К тому же жил в Москве – в самом сердце этих перемен. Но жил он в Москве недавно. И принадлежал к немногочисленным в те времена молодым людям, которые ещё не поняли толком, что произошло, и даже слегка тосковали по чему-то безвозвратно утраченному, каким бы оно ни было – как тоскует муж по своей жене, какой бы злобной мегерой она ни стала за тридцать лет брака.

– Ты что, с ума сошёл? – заверещала жена Тельмана, увидев Пана. – Ты кого это привёл?

– Старый друг, – пояснил Боря. – Сто лет не виделись. Случайно встретились. Хорош скулить, лучше дай человеку пожрать.

– Ишь, раскомандовался! «Старый друг»! – топнула ногой благоверная, но всё же пошла на кухню за едой.

Пантелей подошёл к одному из плачущих грудничков и нежно пощекотал его за животик. Как ни странно, ребёнок не испугался, а наоборот – перестал плакать и весело захихикал.

– Ути какой хорошенький маленький тельманёнок!.. Так что за компания? – спросил он у Бори.

– Короче, я тут в одном забавном местечке крышу ремонтирую.

– Еврей ремонтирует крышу? – удивился Пан.

– Да уж, такие времена нынче пошли.

– Что за местечко?

– Музыкальное училище.

– Как же тебя туда занесло?

– Да я с этими ребятами случайно на улице познакомился.

Прям как с тобой. Поехали как-то с ними туда бухать. Училище не в Москве находится. В Пушкино.

– Это где такое?

– Минут сорок на электричке от Ярославского вокзала. Училище имени Прокофьева. Между прочим, ты уже имеешь преимущество перед теми ребятами. Никто из них не видел мою жену. Некоторые и вовсе не верят, что я женат. Думают, я это придумал. Ради имиджа.

– Я бы тоже не поверил.

– Короче, ребята они забавные. Увидишь. С одной стороны, вроде без царя в голове. Пьют безбожно. Совершенно не приспособлены к жизни. Как дети малые. Но с другой – быть может, они будущее российского искусства!

– О как!

– Я серьёзно! Люди немало одарённые. Послушаешь, как они играют – обалдеешь. Это уж времена нынче такие, что одарённые люди никому на фиг не нужны.

– А раньше, думаешь, нужны были?

– Раньше, думаю, нужно было то, что создавало ореол могущества. Советский союз – это мощь. Советский союз с Шо-

стаковичем – ещё большая мощь. А сегодня нужно то, что приносит деньги. Россия с нефтью – это мощь. Россия со Свиридовым – это херня.

– Точно философ!

Часом позже Пан и Боря уже ехали на электричке в Пушкино. Ехали зайцами, перепрыгнув через турникеты, отчего Пан слегка волновался.

– Да не бойся, – успокаивал его Боря. – Контролёры тут ходят редко. Да и убежать от них легко. Привыкай. А то всю зарплату будешь на дорогу тратить.

– Что ж вы в учебное время крышу-то делаете?

– Должны были кончить ещё летом. Но ты ж знаешь, как у нас бывает. Тем более в Пушкино. Каких-то тридцать километров от Москвы – а перестройка туда ещё не дошла. Всё как при совке. Я делаю вид, что работаю – директор делает вид, что платит.

– Где же я жить буду? – поинтересовался Пан.

– Там рабочим комнату в общежитии выделили. Но один армянин, которого первым наняли, нашёл себе старую жирную бабу и живёт с ней. Она его кормит, и ему хорошо. А работа стоит, и комната за ним числится. Потому и меня наняли. А мне комната ни к чему, меня жена не отпускает.

– Получается, я ещё лучше тебя устроюсь? Один в целой комнате, да ещё рядом с работой?

– Получается так. Счастливчик!

– Да какой уж счастливчик! Первый раз в Москве, не

успел побродить, поглядеть красоты ваши – а уже засяду в провинциальном городке.

– Успеешь ещё. Ребята часто в Москву ездят бухать. Некоторые из них там живут. Ты им понравишься.

Был уже вечер, но ещё светло, когда Пан и Боря приехали в Пушкино. Это и в самом деле был провинциальный городок, усеянный хрущёвскими пятиэтажками и кое-где ещё сохранившимися деревенскими домиками. Никаких признаков перестройки. Пара сельпо возле станции, работающих до семи вечера с обедом. Десяток ветхих «Запорожцев» и «Жигулей» на пустующей улице. Очередь алкашей с трёхлитровыми банками за разливным пивом.

Минут пять шли наши герои от станции, пока Пан не услышал:

– А вот и наша шарага!

Боря указывал на дом, который и так уже привлёк внимание Пана. Но мог ли он подумать, что это и есть музыкальное училище? Длинным железным забором была огорожена большая парковая зона, где среди деревьев виднелась двухэтажная деревянная халупа, окрашенная в салатовый цвет и построенная, казалось, ещё до революции. Она больше напоминала запущенный советский санаторий, нежели учебное заведение, тем более музыкальное.

– Это здесь вы за всё лето не можете постелить крышу? – удивился Пан.

– Наш человек и в домике Барби за всё лето крышу не

постелет.

– Вы что тут, целыми днями бухаете?

– В общем-то, да. Раз в неделю нас вылавливает директор с забавной фамилией Просняк и отчитывает за то, что мы вместо работы страдаем хернёй. А мы продолжаем страдать хернёй, потому что он ни хера не может с нами сделать. Какой дурак согласится работать за такие деньги?

– Сколько платят-то?

– Столько, что и не почувствуешь. Но ведь как-то живут люди в этой стране.

Друзья зашли за забор и пошли по прямой дорожке ко входу, возле которого на крыльце стояли и курили студенты. Какофония разнородных звуков, доносящихся из халупы, всё больше заполняла уши Пантелея по мере приближения к ней.

Метрах в десяти от входа среди деревьев лежало большое бревно, на котором сидели четыре здоровяка с гитарой и потягивали папироски. Они скорее походили на братков, нежели на музыкантов. Все четверо молчали и тоскливо глядели в сторону училища, но как будто бы сквозь него куда-то в бесконечную даль.

– Это Гера, Гена, Лёва и Лёня – наши духовики. А это наш новый рабочий Пантелей Ярустовский, – представил всех друг другу Тельман и пояснил: – Ребята, в общем-то, круглосуточно сидят на этом бревне. Никто никогда не видел их в другом месте.

– Зда-арово! – протянул Гера, в сознании которого время явно текло значительно медленнее, чем у всех нормальных людей. – Ты кто?

Пан не понял вопроса, но, недолго думая, нашёл подходящий ответ:

– Я человек.

– Мы тут все человеки. И все творцы. Ты творец?

– Время от времени.

– Поведай же нам, что ты сотворил.

– Ну вот, например:

Я перестану писать моей Душке,
Она писать перестанет мне,
Когда вся дурь
пропадёт в психушке,
Когда вся подлость
сгниёт в тюрьме.

Она устанет читать послания,
В которых много таких листов,
Где отдаю я себя на заклятие
И вывожу из башки глистов.

Но до тех пор,
пока смрад не развеялся,
Пока уродство царит кругом,

Пока Денница (сука!) осмелился
Наше искусство стегать кнутом –

Не перестану писать моей Душке,
Не перестанет писать она мне,
Ведь всю дурь
не упрячешь в психушке
И всю мразь не поместишь в тюрьме.

– Поэт, значит? Молодец, поэт. – Гера смачно затынулся.
– Я вот тоже стишочки пописываю. Вот послушай:

Не пойму, от кого беременна.
Вы имели меня одновременно.
Вы имели меня по очереди
Прямо на Красной площади!

– Тоже неплохо, – оценил Пан шедевр Геры. – Только вот правильно говорить «одновремененно», а не «одновре́менно».

Гера задумчиво почесал затылок.

– Что ж, надо подумать. Будем доводить свою поэзию до совершенства.

– Давай-давай, ждём новых опусов.

– А вот и они! – воскликнул Боря, увидев неразлучную компанию, выходящую из училища. – Итак, друзья, познакомьтесь с Паном. Пан, знакомься: вот это длинное волосатое чудище – наш трубач, а по совместительству главный ал-

каш и заводила Кирилл Хомяков, более известный как Хом.

– Здорово, Пан!

– Здорово, Хом!

– Первый раз в Москве?

– Первый.

– А ещё где бывал?

– Где я только не бывал.

– Я вот недавно на Кавказе был. Ты был на Кавказе, Пан?

– Был.

– Ну и как?

– Да как в Москве. Одни чурки.

– А Понуров, говорят, в том году в Пекине гастролировал.

Бывал в Пекине, Пан?

– И в Пекине бывал.

– Ну и как?

– Как в Москве. Одни косоглазые.

– А в Израиле был? – спросил Тельман.

– И там как в Москве.

– Кстати, познакомься: наша сладкая парочка – виолончелист Понуров и флейтистка Манкина. Никто никогда не видел их по отдельности.

– Говорят, флейтистки хорошо сосут, – шепнул Пану Кирилл.

– Ну чего вы там перешёптываетесь? – спросила хорошенькая Манкина.

– А это Марианна, теоретик, наша главная краса и любви-

мица директора.

Боря указал Пану на эффектную блондинку модельной внешности, хотя и небольшого роста. Она оглядывала всех с таким видом, будто её давно уже утомили похотливые взгляды мужиков.

– Вот не надо, пожалуйста, про директора! – томно протянула Марианна. – Сколько раз повторять: всё это грязные сплетни!

– И, наконец, Изольда, певица, – представил Боря последнюю незнакомку.

Изольда была на редкость отвратительной на вид толстущей бабой. Её неприятный голос постоянно звучал в этой компании, хотя слова не всегда можно было разобрать, а если и можно было – она городила такую чушь, что все старались не замечать. Однако же она, очевидно, не сознавала своей отвратительности и уверена была, что её здесь все обожают и внимательно слушают.

– Привет, Пан! – заговорила Изольда своим хриплым прокуренным басом с раздражающе манерными интонациями. – Ты такой большой! Ух! Мне нравятся большие мужчины! – и кокетливо захихикала, уверенная, что сказала нечто оригинальное и в очередной раз вызвала всеобщее восхищение.

– Изольда славится развитым воображением, – тонко намекнул Пану Боря.

– Да, я такая! – Изольда одна не поняла намёка.

– А хорошее воображение хорошо помогает при онаниз-

ме, – добавил главный болтун Хомяков.

Все захохотали и достали по бутылке пива.

– Ну что, за знакомство? – скандировал Кирилл.

– За знакомство! – хором поддержали его ребята.

Глава вторая, в которой Кристина рассказывает о летающих бегемотиках

Пантелей Ярустовский проснулся на следующее утро в состоянии нешуточного похмелья. Если, конечно, можно было назвать утром два часа дня. Но ведь для нашего человека когда проснулся – тогда и утро.

Пан не помнил толком вчерашний вечер. Не помнил, как добрался до своего нового жилища. И теперь ему казалось, будто он видит эту комнату впервые. Она производила гнетущее впечатление. Крошечная, с облезлыми стенами, подтёками на потолке, грязным полом и скрипящей кровати, занимающей добрую половину площади. В одном углу свисала паутина, по стене полз большущий таракан. Кухня и удобства были на этаже.

Сквозь монотонный скрип ржавых рельс в голове проступали мысли о том, что каким бы бомжатником ни была эта комната – за неё стоит отчаянно держаться, ибо другой нет, а впереди зима. А значит – надо пойти поработать. Щепетильное сердце Пантелея пронзила заочная жалость к Тельману, которому после этой пьянки пришлось ещё ехать в Москву,

где его распилила пополам жена, а сегодня разбудили ни свет ни заря детские вопли.

Но была ещё одна странная мысль, которая не давала покоя. Пану вдруг показалось, что ко вчерашней компании присоединилась на время девушка, которую никто и не замечал. Она была с ними недолго, ничего, кажется, не говорила и не была ему представлена. Она была такой маленькой, что просто затерялась среди других, всё время стоя где-то поодаль и не привлекая к себе внимания. Однако он точно помнил, что видел её.

Вчера он и сам не ручался бы, что эта девушка вообще существует на свете. Но сегодня поймал себя на мысли, что она чем-то завлекла его и он хочет увидеть её снова. Туманный образ витал в его мыслях, притягивая и концентрируя на себе. Но как же теперь найти её? Учится ли она в той же школе или случайно прибилась к незнакомой компании? Живёт ли она вообще в Пушкино или очутилась там проездом? Помнит ли её кто-то из ребят и как спросить у них об этом, не вызвав насмешек?

И тут ему стало страшно: вдруг он никогда не найдёт её и не увидит больше? А вдруг найдёт, но она не захочет с ним общаться? Чем она так запомнилась ему – он и сам не мог толком объяснить. Она, кажется, не была сногшибательной красавицей. Но почему-то ему безумно хотелось узнать, кто же она – эта загадочная незнакомка. Быть может, это любовь с первого взгляда – просто вчера он был слишком пьян, что-

бы осознать это? А может, на трезвый взгляд она уже не произведёт такого впечатления?

Как бы то ни было, её приятный (хотя, возможно, и вымышленный) образ рассеивал его похмелье и помогал прийти в себя, встать на ноги, одеться и дойти до училища, путь к которому он помнил где-то на уровне подсознания.

Гера и компания, как обычно, сидели на бревне. Какофония вновь заполнила звуковое поле. На крыльце курили и болтали студенты. А на крыше уже работал Тельман. Увидев Пана, Боря показал ему жестом обойти кругом здание училища. Зайдя за халупу, Пан увидел лестницу прямо с земли на крышу. Очевидно, попасть на крышу из здания было невозможно. Хотя крыша была плоской, следовало подумать о технике безопасности. Но её, разумеется, и в помине не было. Впрочем, избушка была настолько маленькой, что с крыши не составляло труда прыгнуть на козырёк, а с него – прямо на землю.

– С крышами у меня связаны особые воспоминания, – сказал Пан, поприветствовав Бору.

– Ну-ка, поделись?

– Помню, была у нас дома кошка старая. Звали Дуськой. Однажды она пропала. Убежала куда-то. Так больше и не вернулась. Но когда мы её искали, старшая по дому дала нам ключи от крыши, чтобы мы поискали её там. А я, не будь дурак, пошёл по-тихому сделал дубликат и никому не сказал.

– Молодец! Ну и чего?

– Короче, я тогда на складе грузчиком работал. Была там одна барышня замужняя в бухгалтерии. Уж очень она мне нравилась. Красивая была девица! С мужем у неё вечно какие-то нелады были. Потому, думал, может, и есть шанс. Ох, долго ж я её окучивал! Да всё как-то безуспешно. А тут вдруг звонит она мне сама как-то вечером вся в слезах. Типа достал её муж совсем, ушла из дому, не может больше с ним жить.

– Нельзя ли, – спрашивает, – у тебя остановиться?

– Разумеется! – говорю. – Хоть совсем поселяйся!

И вот привожу я её к себе и говорю:

– У меня тут так, в общем, сложилось, что есть ключи от крыши.

– Вот здорово! – просияла она. – Как романтично!

Привожу её, короче, на крышу. Выпили с ней там по бокальчику винца – и пошло-поехало. Вот уже и дошло непосредственно до самого главного. Буквально горю уже весь, шишка дымится, и вот-вот свершится этот самый акт – как вдруг она меня останавливает:

– Слушай, постой, – говорит. – А у тебя есть...

– Что? – спрашиваю.

– Ну... это... понимаешь?

– Что «это»? – недоумеваю я.

– Ну эта штука!

И тут меня осенило. Ведь эта штука-то у меня есть, да только оставил я её дома, внизу.

– А без неё никак? – спрашиваю.

– Нет, – говорит, – без неё никак.

Ну тут накал страстей, конечно, сошёл на нет. Но ещё не всё было потеряно.

– Давай, – говорю, – сбегаю, принесу.

– Нет уж, не хочу тут одна сидеть. Холодно и страшно.

Пойдём вместе.

Спустились мы с ней, короче, вниз ко мне в квартиру, на-шли эту штуку.

– Ну что, – говорю, – пошли обратно?

– Да ну, лень снова подниматься. Давай здесь.

В общем, занялись этим у меня. Хорошо, конечно, да со-седи за стенкой, и такого драйва уже не было.

– Отсюда вывод, – прокомментировал Тельман, отсмеяв-шись, – всегда носи эту штуку с собой. Вот у меня она всегда в заднем кармане присутствует.

– Пожалуй, возьму на заметку.

– Кстати, я тоже как-то раз с замужней связался.

– Ну и как она?

– Гарная была бабёнка. Вот только муж её меня с четвёр-того этажа скинул.

– Да ладно!

– Да вот те крест! Повезло. Отделался лёгкими ушибами, даже не сломал ничего. Видать, кости у меня стальные.

– Ну хоть усвоил урок на будущее?

– А то! Теперь каждый раз, как с замужней связываюсь –

первым делом спрашиваю, на каком она этаже живёт. Если выше четвёртого – всё, не вариант.

Голова у Пана трещала не по-детски. К тому же прямо под ним кто-то долбил на пианино. Раздражающие звуки словно молотком били ему по ушам. Усердный студент (или студентка) разучивал какой-то трудный пассаж, повторяя его уже добрую сотню раз то быстрее, то медленнее. Очень скоро Пан знал этот несчастный пассаж наизусть. Казалось, он сам мог бы сесть за рояль и сыграть его не хуже того бедолаги. Много отдал бы он, чтобы тот хоть на минутку заткнулся. Но загадочный пианист был неутомим. В голове у Пана как будто тоже были тонкие струны, которые входили в резонанс со струнами пианино и мучительно вибрировали так, что чесалось в ушах. Эти звуки рисковали довести Пана до состояния бешенства. К тому же они отвлекали его от мыслей о прекрасной незнакомке, мешали чётче представить себе её лицо, которое потихоньку стиралось из памяти, чего Пану совсем не хотелось.

– Кстати, о барышнях, – решился он наконец спросить Боря. – Ты, случайно, не помнишь, вчера с нами была одна девушка...

– Марианна?

– Да нет, другая.

– Манкина?

– Нет, не она.

– Изольда?

– Боже упаси!

– Других не помню.

– Да нет же, была ещё одна. Маленькая такая, тёмненькая, с ямочкой на подбородке.

Боря, тоже мучимый похмельем, закрыл глаза, явно пытаясь сконцентрировать все силы своей памяти.

– Н-н-нет. Не помню. Ты уверен, что она вообще была?

– Теперь уже сомневаюсь.

– Пить надо меньше.

– Это точно... Ох, как же он меня задолбал!

– Кто?

– Этот придурок внизу.

Пан указал пальцем туда, откуда шли раздражающие звуки.

– Да, меня тоже. Уже неделю учит.

– Слышь, Пан! – раздался снизу зычный бас Геры, которого трудно было разглядеть за густой листвой. – Я исправил!

– Что исправил? – не понял Пан.

– Ударение! Во вчерашнем стишке. Помнишь? Вот послушай новый вариант! – и затянул нараспев, сопровождая своё получтение-полупение гитарными арпеджио:

Меня имели
одновременнo
Два кобеля
попеременно.

Теперь не знаю,
от кого беременна,
Но надеюсь,
что это временно.

– Молодец, Гера! «Беременна – временно» – это *очень* оригинальная рифма!

– Давай теперь и ты своё что-нибудь!

– Да ради Бога! – Устроился поудобнее и тоже продекла-
мировал нараспев, слегка пародируя Герину манеру:

Их было семеро, а он всего один.

Они глумились

над его гниющим трупом.

А ведь когда-то

он кормил их вкусным супом!

Их было семеро, а он всего один.

– Это уже интересно, – сказал Боря. – Кто же эти семеро?
Любопытно было бы над этим поразмыслить.

– Ваши версии, Борис Иннокентьевич? – произнёс автор,
изобразив критика.

Но Тельман не успел рта раскрыть, как Пан, словно ошпа-
ренный, сорвался с места и бросился к лестнице.

– Чего это он? – удивился Гера.

Читатель, возможно, уже догадался, что Пан увидел ту са-

мую девушку. Она вышла из училища и пошла к станции. Он мог наблюдать её только со спины, но моментально узнал по фигуре и походке, хотя видел мельком всего однажды.

Она была метр шестьдесят ростом, изящная и худенькая, словно статуэточка, с тонкими ручками и ножками, длинной шейкой и маленькой головкой на узеньких плечиках. На первый взгляд в ней не было ничего особенно привлекательного, потому никто и не замечал её в пьянствующей толпе. Но стоило приглядеться – оказывалось, что черты лица её удивительно тонкие и нежные. Большие и выразительные карие глаза, маленький носик, трепетно-тонкие губки и ямочка на подбородке, которая особенно запомнилась Пану.

Девушка уже вышла за ворота и скрылась из виду, пока Пан спускался по лестнице и обегал вокруг училища. Похмелье его словно рукой сняло. Окрылённый и воодушевлённый самим фактом того, что она существует и он сию секунду сможет увидеть её и поговорить с ней, Пан догнал девушку на том участке пути, где ни Боря, ни Гера уже не могли видеть их за деревьями.

– Привет! – сказал он, поравнявшись с ней и едва переводя дух.

– Ой! – испугалась девушка.

– Не бойся, я добрый, – повторил Пан свою дежурную фразу, которой некогда успокоил и Тельмана.

– Как же мне тебя не бояться, – закокетничала с ним девушка, – если ты такой большой, а я такая маленькая!

Они и правда смотрелись вместе комично. Она была на две головы меньше него. Голосочек у неё был высокий и звонкий, словно хрустальный колокольчик.

– Как тебя зовут? – спросил Пан.

– Кристина.

– Очень приятно, Кристина. Я Пантелей. Можно звать тебя Крис?

– Нет уж, лучше Тиной.

– Договорились.

– Кажется, мы вчера виделись?

– Вот именно! И с тех пор ты не покидаешь моих мыслей!

Я даже стих сочинил. Вот послушай:

Ох уж эти красивые женщины!
Повстречаются, мимо пройдут –
И оставит глубокую трещину
Твой душевный покой и уют.

Всё решённое вновь меня мучает.
Из рутины уводят мечты.
Разве это благополучие,
Если мимо проходишь Ты?

– М-м-м! – протянула Тина. – Чем же я тебя так зацепила?

– Я как раз у тебя хотел об этом спросить!

– Откуда же мне знать?

– Неужели я первый, кого так поразила твоя красота?

– М-м, не знаю... Таких больших ещё не было!

Так дошли они до станции и остановились на платформе, где вскоре должна была появиться её электричка.

– Что-то ты вчера никак не проявил своей заинтересованности.

– Вчера я был пьян.

– Не то слово!

– Я сделал что-то ужасное?

– Ну-у, как сказать... – Тина словно собралась припомнить ему нечто постыдное, но всё-таки решила сменить тему: – Так с чего ж это я вдруг сегодня всплыла в твоей памяти?

– Видел тебя во сне, – соврал Пан.

– Даже так? – покраснела девушка, делая вид, что поверила.

– И проснулся с мыслью, что мне непременно надо тебя увидеть!

– Увидел. Надеюсь, не разочаровала?

– Напротив. Ты превзошла мои самые смелые ожидания!

– На трезвую голову я красивее, чем на пьяную? – засмеялась Тина.

– А что тебе снилось сегодня? – спросил её Пан.

Тина задумчиво поглядела в небо, приложив к губкам указательный пальчик.

– Мне почему-то снились бегемотики.

– Бегемотики? – засмеялся Пан.

– Ничего смешного. Маленькие такие бегемотики. У них были крылышки, и они летали словно птички.

Пан разразился хохотом.

– Крис, ты случайно не курила перед сном? – И затянулся воображаемым косячком.

Кристина неожиданно холодно посмотрела на него.

– Моя электричка, – сказала она и пошла к первому вагону.

Пан пошёл за ней, но на платформе столпились люди. Маленькая Тина легко пролезала между ними, а Пан отставал и всё никак не мог догнать её.

– Ну постой, подожди! – кричал он ей вслед. – Чего ты сразу обижаешься? Я же пошутил!

Но она продолжала идти вперёд, будто не слыша его. Когда электричка уже подошла к платформе и двери открылись, ему удалось наконец догнать Тину.

– Где ты живёшь? – спросил он.

– В Пушкино, – ответила девушка, даже не взглянув на него.

– А в Москву зачем едешь?

– По делам.

– Позволь проводить тебя!

– Не стоит.

– Да ну, ты что, всерьёз обиделась?

– Нет, – покачала она головкой, продолжая игнорировать

его взглядом. – Пока! – бросила она напоследок и зашла в вагон.

– Ну чего встал! – гавкнула на него старуха, которой он мешал попасть в поезд.

Пан и правда загородил своей массивной фигурой вход. Двери закрылись, электричка тронулась, а Пан так и стоял на платформе, провожая её взглядом и недоумевая: что же он сказал такого ужасного, что Кристина так внезапно охладела к нему? Не успел он осознать и порадоваться, что нравится ей – как уже разонравился! И даже сам не мог понять почему!

Огорчённый, побрёл он обратно к училищу, где предстояло и дальше долбить крышу, пытаясь заглушить раздражающими звуками молотка ещё более раздражающие звуки полурасстроенного пианино внизу. От одной этой мысли ржавые рельсы снова запели в его многострадальной голове.

Глава третья, в которой Пан открывает для себя нечто прекрасное

Вернувшись к халупе, Пан не увидел на крыше Тельмана. А Гера, как всегда сидящий с компанией на бревне, указал ему на вход:

– Тебя ждут в восемнадцатом.

– А где восемнадцатый?

– Как войдёшь – сразу налево.

Пан впервые зашёл внутрь училища. В фойе висел огромный портрет Прокофьева, а под ним – доска объявлений с анонсом предстоящего конкурса композиторов. В обе стороны от входа расходились два узких тёмных коридора с такими низкими потолками, что Пан легко доставал до них даже полусогнутой рукой. Изнутри и снаружи всё было деревянным. В каждом углу теснился музыкант со своим инструментом и учил свою партию.

Никакой логике не поддавалась нумерация ветхих полуогнивших дверей. Сразу повернув в левый коридор, как объяснил Гера, Пан увидел по его левую сторону двенадцатый кабинет, а напротив – четвёртый. Далее по левой стороне следовала дверь под номером семнадцать, а справа почему-то первая. Следующей слева была общая дверь на три класса – пятый, шестой и седьмой. Напротив – девятый, десятый и одиннадцатый.

Наконец в самой глубине коридора Пан увидел восемнадцатый класс. Там его ждала вся компания – Тельман, Хомяков, Марианна, Изольда, Понуров и Манкина. Половину класса занимал огромный чёрный рояль. Другую половину – поставленные рядом три стола и по два стульчика за каждым из них. Стена была украшена хвалебными цитатами выдающихся музыкантов в адрес Прокофьева.

Боря беспардонно расположился на учительском столе. Кирилл наигрывал джазовые импровизации на рояле. Остальные столпились вокруг него.

– О! Здорово, Пан! – хором поприветствовали его ребята.
– Заходи!

– Я же обещал показать тебе, на что они способны, – сказал Тельман. – Вот послушай.

– Только тебя ждали, старик! – весело проскандировал Хом, прервав свою импровизацию.

Наступила сосредоточенная тишина. Очевидно, все готовили к приходу Пантелея нечто особенное, что должно было случиться сейчас. Уже привычные Пану вечно весёлые лица вдруг стали серьёзными и задумчивыми.

Выдержав паузу, Кирилл заиграл что-то неведомое, чего Пан никогда раньше не слышал, но что отзывалось каждой нотой в его душе. Не смея вздохнуть, дабы нечаянно не прервать его, Пан замер с полуоткрытым ртом. Музыка, которую исполнял Хом, говорила о любви, напоминала прекраснейшие минуты, когда-либо пережитые Паном: страстные поцелуи на крыше, о которых он сегодня рассказывал Тельману; ещё свежий в памяти короткий миг общения с Тиной, о котором он не успел никому рассказать.

Марианна стояла совсем близко к играющему, почти касаясь его, с закрытыми глазами и тенью улыбки на лице. Это делало её поистине прекрасной. На какой-то миг с лица её исчезла нотка стервозности. Боря Тельман, почти лёжа на учительском столе, отражал на своём выразительном лице тончайшие нюансы эмоций, которые слышались в музыке, и даже как будто слегка дирижировал Кириллом, плавно водя

по воздуху правой рукой.

Блаженная тишина повисла в восемнадцатом классе, когда Хом закончил. Казалось, даже коридорные лабухи на время заткнулись, дабы не испортить момент. Эту музыку словно не хотелось отпускать. Слушатели жадно ловили её последние отзвуки, пока вдруг не выяснилось, что какофония в коридоре всё это время никуда не девалась – просто о ней все забыли.

– Ну как тебе? – спросил Хом.

– Это поистине круто! – только и смог вымолвить Пантелей, который и не представлял, что Кирилл на такое способен. – Что это было?

– Моё сочинение.

Тут Пан уже не знал себя от удивления.

– Да ладно!

– Честное слово!

– Это правда его, – подтвердила Марианна.

– Ты же трубач!

– На рояле мы все умеем, – послышался голос Понурова.

– И все немножко сочиняем, – добавила Манкина.

– Я в шоке! – признался Пан.

– Погоди ещё! – сказал Тельман. – Мы твой шок организуем по всем законам драматургии.

– То бишь самое шокирующее впереди, – пояснил Хом.

– Скромничаешь? – не поверил Пан.

– Да ты послушай, как я сочиняю! – влезла Изольда, нагло

спихивая Кирилла со стула.

Сев за рояль, она стала наигрывать заунывные попсовые напевы, всерьёз уверенная, что делает нечто более талантливое, чем Хом. Grimасы на её лице при этом вызывали у всех присутствующих едва сдерживаемый смех. Сентиментальные девчачьи песенки она подавала, словно то была высокая классика. Так старалась выжать из несчастного рояля заунывное форте, а из слушателей – слёзы, что даже слегка постанывала, не замечая при этом, что некоторые уже не стараются скрывать ядовитые ухмылки, а Тельман сзади неё даже залез под стол, закрыв уши. Может быть, на очень пьяную голову её игра и могла всерьёз кого-то зацепить, но сразу после искренней и душераздирающей пьесы Кирилла это выглядело жалко и комично. «В семье не без урода» – думал про себя Пантелей, с нетерпением ожидая, когда же она наконец закончит и кто-то другой покажет ему ещё что-нибудь офигенное. Он даже забыл о Тине, вдохновлённый чем-то новым и прекрасным, что открывалось ему, и ожидая чего-то ещё более прекрасного.

– Ну как тебе, здоровяк? – спросила его Изольда, когда закончила.

– Отлично! Я впечатлён! – Пан вытянул кверху большой палец, хотя какофония в коридоре и та была ему приятнее.

– Сладкая парочка! Ваша очередь! – объявил конференсье Хом.

Понуров и Манкина уже стояли наготове со своими ин-

струментами. Марианна села за рояль и поставила ноты на пюпитр. Кирилл услужливо опустил крышку с длинной подставки на короткую.

– Это зачем? – спросил Пан.

– Когда рояль играет в ансамбле – крышка полуоткрыта. А когда сольно – открыта полностью, – пояснил Хом.

Зазвучало трио, которое Пан тоже слышал впервые. Три инструмента звучали даже тише, чем один рояль – таков был характер музыки. Она была удивительно простой и солнечной, почти детской – однако же очень нетривиальной и нескучной. Нот в ней было совсем немного, но каждая – на вес золота.

Пан любил музыку и бывал на концертах. Но впервые он так близко слышал живую виолончель и живую флейту. Состав инструментов был редкий, но звучал божественно. Сразу ясно было, что эта музыка написана специально для тех исполнителей, которые играли её в данный момент. А значит, наверняка написана кем-то из них. Хотя, как и в случае с Кириллом, Пан скорее готов был поверить, что это классика.

Трио даже больше было похоже на классику, ибо звучало не столь современно, а напротив – уносило слушателя в былые эпохи, лет эдак на двести назад. И Пан уже ощущал себя не в восемнадцатом классе Прокофьевского училища, а в восемнадцатом веке. Вместе со временем менялось и окружающее пространство – и Пан уже ощущал себя не в восемнадцатом классе Прокофьевского училища, а где-то в поле,

на травке, среди цветов и в лучах солнца. Звуки флейты напоминали щебетание птиц, виолончель – лёгкие дуновения тёплого ветра, а рояль – шуршание листвы под ногами.

Композиция была короткой, и Пан было приготовился аплодировать и кричать «браво» – но его вовремя остановил Хом, приставив к губам указательный палец:

– Это только первая часть, – объяснил он. – Всего их три. Между частями в зале сохраняется тишина.

– Всё равно все хлопают, – вмешалась Изольда, одним лишь звуком своего голоса нарушив благоговейную атмосферу. – Поэтому я всегда пишу только одночастные композиции!

Судя по лицу Марианны, ей сейчас непреодолимо хотелось встать и заехать Изольде по носу – но вместо этого она тяжело вздохнула и начала вторую часть.

Медленное и умиротворённое адажио представляло собой спокойный диалог флейты и виолончели под ритмичные арпеджио рояля. Все трое играли почти в одном среднем регистре, который для виолончели был довольно высок, из-за чего она звучала надрывно, сродни человеческому голосу, а для флейты, напротив, низок – звуки её были томные и напряжённые. Тельман снова лежал на учительском столе и дирижировал.

Почти без перерыва после второй части последовал короткий и бойкий финал. Экзальтированный Боря даже соскочил со стола и почти танцевал, заражая этим всех остальных. И

вот уже все слушающие сами не замечают, как пританцовывают, едва слышно выстукивая ногами под столом каждую четверть. Настоящие овации разразились, когда Марианна, Понуров и Манкина доиграли трио, ощутимо и надолго поднявшее всем настроение.

– Чьё? – спросил Пан.

– Моё, – ответил Понуров.

– Наше, – поправила его Манкина.

– Ну разумеется, наше! – согласился Понуров, обнимая её за талию с ироничной улыбкой.

Стало ясно, что девушка весьма номинально участвовала в создании сочинений своего парня, однако же кокетства ради претендовала на соавторство.

И тут сам Пантелей решил подойти к инструменту.

– В незапамятные времена я и сам пытался что-то наигрывать, – признался он. – Даже сочинять пробовал смеха ради.

– Ну и ну! – воскликнул Тельман. – Продемонстрируй!

– Давай, не ссы! – подбодрили его ребята, видя его смущение.

Пантелей Ярустовский протянул огромные, дрожащие, неправильно поставленные руки к клавиатуре и неуверенно, местами не попадая по клавишам, заиграл лиричную и трогательную музыку. Несмотря на огромную физическую силу игравшего, рояль в его руках звучал даже нежнее, чем в руках Марианны. Слушатели, которые только что пытались удивить нового друга своими талантами – теперь сами ди-

вились его таланту. В этом гигантском теле, как оказалось, скрывается хрупкая и ранимая, романтическая и чувствительная душа, в чём-то даже слегка детская и наивная. В его импровизации образы калейдоскопом сменяли друг друга. В ней почти не было формы, мысль текла линейно, без начала и конца. Она была простой, без особой оригинальности, без особого стиля, без особого вкуса – но искренней и трогательной, настоящей, без малейшей фальши или слепого подражательства.

На какое-то время Пан погрузился в настроение своей музыки настолько, что буквально впал в транс, в который ввёл и всех присутствующих. В этом почти бессознательном состоянии он, сам того не ведая, демонстрировал едва не профессиональную игру на фортепиано. Но удержать это состояние было нелегко. Стоило ему вспомнить, что он находится среди образованных музыкантов – как пальцы перестали слушаться.

– Ну вот, примерно так, – смущённо сказал он, прервав музыкальную мысль на полуслове.

– Ну ты красава! – противно засмеялась Изольда.

– Что ты закончил? – спросил ошарашенный Тельман.

– Девять классов.

– Ты никогда не учился музыке? – спросил не менее ошарашенный Хомяков.

– Никогда.

– Но кто-то же учил тебя играть? – спросил Понуров.

– Сам научился.

– Как такое возможно? – спросила Манкина.

– У меня дома было старое пианино. Я просто любил играть на нём, подбирать музыку, которая нравилась, самому что-то импровизировать. Но я даже не умею читать ноты.

– В таком случае ты настоящий самородок, – заключила Марианна.

– Это уж точно! – подтвердил Хом. – Тебе надо учиться!

– Боюсь, уже поздновато.

– Никогда не поздно! – справедливо заметил Понуров.

– Главное – начать! – добавила Манкина.

– И не смущаться! – Хом потрепал покрасневшего Пана за плечи.

– И воспитывать вкус! – Марианна погладила пальчиком его блестящую лысину.

– Скоро будем драться за последние билеты на концерт великого Пантелея Ярустовского! – сказала Изольда и вновь захохотала своим мерзким прокуренным смехом.

– До сих пор серьёзные музыканты меня только ругали, – признался Пан.

– Да ладно! Кто посмел? – всерьёз удивился Тельман.

– Не слушай снобов! – подтвердил Хом.

– Не слушай никого, здоровяк! Мы за тебя любому морду набьём! – добавила Изольда и заржала ещё громче.

«Кто бы тебе уже морду набил!» – подумал Пан и постарался сменить тему:

- Где можно услышать ваши творения?
- Здесь, – почти хором ответили ребята.
- А ещё где-нибудь? – не понял их иронии Пан.
- Больше нигде, – сказал Хом.
- Неужели вы не выступаете с этим на сцене?
- Кому мы на хрен нужны! – крикнула на всё училище

Изольда.

«Ты-то точно никому на хрен не нужна!» – подумал Пан про себя, а вслух сказал:

- Ну не может же такого быть, чтобы такая прекрасная музыка была никому не известна!
- Отчего же? Ещё как может! – сказал Понуров.
- А разве бывает иначе? – задала Манкина риторический вопрос.

– Но сейчас ведь не советская власть! – не на шутку возмутился Пан. – Какие такие идеологические соображения мешают допустить до сцены ваши творения?

– Сейчас другие соображения, – грустно пробормотал Тельман, снова усаживаясь на учительский стол.

- Власть иная, а страна всё та же, – сказал Кирилл.
- Что же вам мешает? – не унимался Пан.

И тут дверь восемнадцатого класса открылась, и в неё вошёл крупный блондин лет сорока в больших советских очках и с творческим беспорядком на голове. По одному его взгляду было ясно, что он здесь большой начальник. Ребята тут же встали по стойке смирно, даже Тельман вмиг соско-

чил со стола.

– Здравствуйте! – хором поприветствовали его ребята.

– Это кто? – спросил хриплым голосом мужчина, указав головой на Пантелея.

– Наш новый мастер по ремонту крыши, – крикнул Боря, пропадавший за плечом Кирилла.

– Ясно. Вы, наверное, Пантелей?

– Так точно, – подтвердил Пан.

– Откуда Вы?

– Издалека.

– Сколько Вам лет?

– Сколько дадите.

– Чем Вы занимаетесь, помимо ремонта нашей крыши?

– Ищу, чем бы заняться в этой треклятой жизни.

Несмотря на нахальный тон его ответов, выражение лица его было вполне уважительным.

– Ясно, – сказал мужчина, не зная, как ещё реагировать на услышанное. – Продолжайте работать и не занимайте зря класс, – распорядился он и ушёл.

– Это кто был? – Вопрос Пана был адресован сразу всем присутствующим.

– Просняк, – ответил Тельман.

– Наш горячо любимый директор, – пояснил Хом. По его интонации сразу стало ясно: директор отнюдь не горячо любим. – Впрочем, смотря кем, – добавил он, кивнув в сторону Марианны.

– Ну хватит уже! – толкнула его Марианна.

– Редкостный мудила! – снова выругалась Изольда.

– Вот тебе и ответ на твой вопрос, – сказал Понуров.

– На какой именно? – не понял Пан.

– Что нам мешает, – объяснила Манкина.

– Этот гондон, – не скрывал свою злость Кирилл, – здесь один решает, кому выходить на сцену, а кому не выходить.

– А со вкусом у него явные проблемы, – добавил Тельман.

Марианна стояла, отвернувшись и опустив глаза. Ей явно были неприятны такие разговоры про директора, но поднимать дискуссии на эту тему она не хотела. Кирилл же всё больше старался оскорбить Просняка, словно ей назло, так и поглядывая на её реакцию.

– Ну давайте уже поговорим о приятном! – решила разрядить обстановку Изольда. – У кого-нибудь из вас есть глисты? – И, как всегда, одна засмеялась собственной идиотской шутке.

– Кстати, Пан! – неожиданно радостно воскликнул Кирилл. – Ты ведь ещё не в курсе, что мы идём сегодня в Большой!

– Да, я и забыл тебе сказать, – послышался голос Бори.

– А что там сегодня? – спросил Пан.

– Вагнер! – произнёс Понуров так, как произносят: «Свобода! Равенство! Братство!»

– «Нюрнбергские мейстерзингеры»! – не менее пафосно дополнила его Манкина, с трудом выговаривая название опе-

ры.

– Вот это да! – обрадовался Пан. – Ни разу не был в опере!

– Да ладно! – удивился Боря. – Неужели ни разу?

– Честное слово! Но как же я туда попаду? У меня денег ни гроша.

– Студентов пускают бесплатно на галёрку, – ответил Кирилл. – Правда, там ни хрена не видно за шторами, но понять можно.

– Но ведь я не студент.

– Я тоже, – сказал Тельман. – Мы уже проделывали этот фокус.

– Скажешь, что забыл студенческий, – объяснил Понуров.

– Там тётки добрые, на слово верят, – вновь дополнила своего парня Манкина.

Глава четвёртая, в которой Боря оказывается знатоком женщин

Час спустя вся компания ехала (разумеется, зайцами) на электричке в Москву. Пока ребята о чём-то увлечённо балагурили, Пан задумчиво смотрел в окно. Там было пасмурно и моросил лёгкий дождик. В считанных километрах от столицы, словно в глубокой Сибири, проносились одна за другой вымирающие русские деревни. Ветхие домики – такие же, как здание училища – стояли, покосившись, словно готовые вот-вот упасть от одной лишь вибрации, создаваемой

проходящим поездом.

Пантелей Ярустовский был слегка обескуражен всем, что неожиданно и разом свалилось на него. Ещё вчера он приехал на товарняке в незнакомый город (который оказался ни много ни мало Москвой), не зная, где будет сегодня жить и что будет сегодня есть. И вот – у него есть друзья, у него есть работа, у него есть какое-никакое жильё, у него есть даже любимая девушка, хоть и любимая пока безответно. Но главное – он ощущал во всём, что произошло с ним за эти два дня, длань Провидения.

Автор настоящего романа не может знать точно: может быть, Боря был далеко не первым, к кому обратился Пантелей на улице. Может быть, наш герой аналогичным образом пытался завести знакомство с десятком таких же празднующихся молодых людей. Может быть, он уже даже отчаялся и готов был сесть на другой товарняк и уехать обратно. Но автор настоящего романа верит в Провидение. И никак иначе, кроме как дланью Провидения, невозможно объяснить, как сошлись на бескрайних просторах нашей необъятной Родины именно эти два человека – как произошло это чудесное, судьбоносное для них обоих знакомство.

А чудесность и судьбоносность его (как думал теперь Пантелей, глядя в окно электрички) заключались в том удивительном и прекрасном, что открылось ему сегодня в восемнадцатом классе – что стало прямым и непосредственным следствием знакомства с Борей. Пан ещё сам толком не по-

нимал, что же ему теперь делать с этим удивительным и прекрасным. Но понимал, что просто забыть об этом и спокойно жить дальше он уже не сможет никогда.

Автор настоящего романа не может знать, от чего бежал Пантелей на товарняке в незнакомый город без вещей, денег и документов. Я ведь даже не знаю, откуда он бежал. Но я вправе строить предположения. А для этого мне уместно было бы поставить себя на место Пана. Отчего я мог бы бежать на товарняке в незнакомый город без вещей, денег и документов – спрашиваю я себя. И первый ответ, который приходит мне в голову – не иначе как от вопиющих неудач на тернистом пути поиска самого себя.

Не иначе как об этом и думал Пан, глядя в окно электрички. После стольких лет поиска самого себя и стольких вопиющих неудач на этом тернистом пути он наконец почувствовал, что нашёл себя... В чём же? В музыке Хомякова и Понурова? Или в своей собственной, которую впервые похвалили? Может быть, в словах Марианны – «ты настоящий самородок»? Или в словах Понурова – «учиться никогда не поздно»?

Нет, дело было не в этом. И не в этом было его призвание. Не в том, чтобы играть. Не в том, чтобы сочинять. Не в том, чтобы слушать. Не для того рождён был на этот свет Пантелей Ярустовский. А для того, чтобы люди услышали ту прекрасную музыку, которую он услышал сегодня. Для того, чтобы удивительное удивляло, а не пылилось на полке.

Для того, чтобы хорошая музыка зазвучала на большой сцене, которой достойна.

Чего не хватало ему? В поисках чего он уехал на товарняке в незнакомый город без вещей, денег и документов? Он и сам не знал, что искал. Но нашёл именно то, что нужно. Нашёл молодых гениев, которым не хватает лишь... А чего же не хватает им? Почему они, способные создавать удивительное и прекрасное – не способны явить себя миру? Они и сами не знали почему. Но нашли именно то, что им было нужно – энергию, авантюризм, безбашенность, которая сподвигла человека поехать на товарняке в незнакомый город без вещей, денег и документов.

Однако этими мыслями он пока не решался ни с кем поделиться. Очень многое сперва надо было обдумать наедине с собой. Да и его новые друзья явно не были настроены на серьёзную беседу. Зато были другие мысли, которые не меньше его тревожили. И Боря невольно напомнил ему об этом:

– О чём задумался, дружище? Не иначе о той, за которой так стремительно понёсся сегодня с крыши?

– А ты догадливый! Пойдём покурим.

Они говорили тихо, другие ребята не слышали их. Но всё же Пантелею хотелось обсудить это пока только с Тельманом. Они вышли в тамбур и закурили.

– Ну давай, рассказывай.

– Помнишь, на крыше я тебе говорил о девушке с ямочкой

на подбородке?

– Как я понял, предмет твоего вожделения зовут Кристиной.

– Ты её знаешь? – удивился Пан.

– Видел мельком. Но вспомнил не сразу.

– Кто она?

– Учится в нашей шараге. Скрипачка. Бухала с нами пару раз. Но среди таких ярких индивидуальностей оставалась незамеченной.

– Это я уже понял. – Пану стало даже слегка обидно за Тину. – Думаю, вы просто к ней не приглядывались.

– Да нет, она очень прелестна. Правда. Я тебя понимаю. – Тельман затянулся. – Ну так чем же у вас сегодня всё кончилось? Ты как-то быстро вернулся.

– Кажется, я обидел её. Только не совсем понимаю, чем именно.

– Не успел познакомиться – уже обидел? Что ж ты такого ляпнул?

– В общем, мы шли к станции.

– Это я догадался.

– Говорили о снах.

– А вот это уже интересно. Ты, конечно, видел её во сне?

– Про это я сообразил ей наплести.

– И она, конечно, сообразила сделать вид, что поверила.

– Но потом я спросил её, что же снилось сегодня ей.

– И что же ей снилось?

– Летающие бегемотики.

Боря аж поперхнулся от смеха.

– Летающие бегемотики? – переспросил он. – А она траву не курила перед сном?

– Вот именно так я ей и ответил.

– Ну и дурак. – Боря отсмеялся и сплюнул. – В общем, всё ясно. Диагноз поставлен.

– Думаешь, полная безнадёга? – понял Пан по его интонации.

– Поверь мне как опытному соблазнителю, – сказал Тельман без ложной скромности. – Девушка посвятила тебя в свои сокровенные грёзы.

– Летающие бегемотики – это её сокровенные грёзы? – удивился Пан.

– Сомневаюсь. Но летающие бегемотики – это как бы собирательный образ её сокровенных грёз.

– А попроще?

– Проще: девушка пыталась проверить, как ты отнёсёшься к её внутреннему миру, если она решится его тебе открыть.

– Летающие бегемотики – это её внутренний мир? – всё ещё недоумевал Пантелей.

– Да нет же. Летающие бегемотики – это блажь, херня собачья. На месте летающих бегемотиков могло бы что угодно: плавающие тараканчики, прыгающие крокодилчики, какающие леопардики или ещё хрен знает что – не суть важно.

Но есть и что-то поистине важное для неё. И ей важно было понять, как ты к этому важному отнесёшься, если она вдруг надумает поделиться им с тобой. А ты её высмеял.

– Как-то это глупо, тебе не кажется?

– Глупо, не глупо – херня! Во все времена женщины играли с нами в такие игры. Ты ей: «Пойдём в кино». Она тебе: «Я сегодня занята». При этом оба понимают, что ты предложил ей перепихнуться – и она отказалась. Или же ты ей: «Пойдём в кино». А она тебе: «Вау! Круто! Я писаюсь от радости! Конечно пойдём!» И оба понимают, что ты предложил ей перепихнуться – и она согласилась. Или же ты ей: «Пойдём в кино». А она тебе: «Я подумаю» – и на третий раз соглашается, но опаздывает на два часа. При этом оба понимают, что ты предложил ей перепихнуться – а она вроде бы и не против, но хочет, чтоб ты добивался её, чтоб шлюхой не казаться.

Вот и с Кристиной такая же история. Она тебе: «Летающие бегемотики». А ты ей: «Вау! Круто! Летающие бегемотики! Охренеть, я в восторге!» И она понимает, что ты уважаешь её, какую бы чепуху она ни несла. А тут она тебе: «Летающие бегемотики» – а ты ей что? «Какие ещё, на фиг, бегемотики? Ты чё, блин, обкурилась?» Словом, дал ты ей понять, что держишь ты её за дуру полную! И какие бы там блюющие орангутанчики ни таились в бездонных глубинах её непостижимой души – срал ты на них с высокой колокольни! А значит, не понять тебе вовек её нежно-розовую деви-

чью сущность!

– И что же мне теперь делать?

– Ничего. Забудь о ней.

С этими словами Тельман раздавил мыском докуренный бычок и пошёл обратно в вагон.

Глава пятая, в которой Пан приобщается к высокому искусству

Решено было ехать на метро не по прямой от «Комсомольской-радиальной» до «Охотного ряда», а с пересадкой – одну остановку от «Комсомольской-кольцевой» до «Курской», затем через «засекреченный» (никак не отражённый указателями) переход на «Курскую-радиальную» и, наконец, одну остановку по синей ветке до «Площади Революции». Во-первых, так было чуть быстрее, а ребята уже опаздывали, ибо электричка, как всегда, шла с задержкой. Во-вторых, друзья не хотели упускать случай погладить нос бронзовой собаки на «Площади Революции». Наконец, в-третьих, выход к Большому театру с «Площади Революции» позволял пройти через горячо любимый сквер, где назначили встречу герою «Джентльменов удачи», и порадовать местных бомжей, кинув монетку в фонтан.

Фокус с бесплатным проходом в очередной раз удался. Хотя спектакль был недешёвый (Вагнер в Москве редкий гость), бабуля-администратор поверила, что Пан и Боря то-

же учатся в Пушкинском училище. Боря по легенде был валторнистом, а Пан – тромбонистом.

Забравшись, как и полагается льготникам, на четвёртый ярус, ребята заметили пустующую ложу в бельэтаже. Уже прозвенел второй звонок, и вероятность её заполнения близилась к нулю. Решено было на свой страх и риск попробовать перебежать туда. Прогонят – и хрен с ним, пойдут назад. Но никому так и не суждено было их оттуда прогнать. Бабушка, контролирующая ложу, и вовсе спала на своём стульчике, свесив голову. Мест хватало аккуратно на нашу компанию. Совершенно бесплатно ребята устроились в одном из лучших мест зала, недалеко от сцены, с отличным обзором. К тому же они были одни в ложе и никому не мешали.

– Ну, теоретик, давай! – подтолкнул Хом Марианну.

Прозвенел третий звонок, шорох и гул в зале потихоньку стихли, свет приглушили, оркестр заиграл бравурную увертюру, и Марианна начала свою лекцию:

– «Мейстерзингеры» в переводе с немецкого означает «мастера пения». Так называли себя немецкие музыканты эпохи Ренессанса. «Нюрнбергские мейстерзингеры» – одна из последних опер Вагнера. «Нибелунги», «Тристан», «Лоэнгрин» и «Тангейзер» уже были написаны. Постановка её в России – редкость. Вообще оперы Вагнера крайне трудно ставить из-за масштабов постановки. В Германии, в Байрейте, для них построен специальный театр.

– Кто же спонсировал такую роскошь? – спросил любо-

знательный Пантелей.

– Вагнера спонсировал сам наследник престола – принц Людвиг Баварский. Ему и посвящена эта опера.

– Вот были же времена, – слышался голос Тельмана, – когда люди с деньгами и властью обладали ещё и хорошим вкусом!

– А правда, что Вагнер был антисемитом? – поинтересовался Пан.

– Он был антисемитом, но не нацистом, – доходчиво объяснила Марианна и продолжила лекцию: – Оперы Вагнера обычно не делятся на номера, а идут непрерывным потоком. Вот увертюра плавно перешла в хор.

Открылся занавес, и публике предстали шикарные декорации католического собора.

– Это церковь Святой Екатерины в Нюрнберге, – комментировала Марианна происходящее на сцене. – Молодой рыцарь Вальтер признаётся в любви первой красавице города Еве.

Пан наслаждался любовной сценой, отождествляя себя с Вальтером, а Кристину – с Евой.

– Она тоже его любит, но судьба женщины в те времена не принадлежала ей.

– Вот были же времена! – вздохнул Хомяков.

– Отец Евы решил выдать дочь за победителя в традиционном ежегодном состязании мейстерзингеров.

– Это что-то вроде конкурса композиторов, – пояснил По-

нуров.

– Который будет у нас во вторник, – добавила Манкина.

– Понятия «композитор» и «исполнитель» в те времена были неразделимы, – продолжала Марианна. – Собственно, понятия «композитор» как такового ещё не существовало.

– Что же мешает Вальтеру участвовать в конкурсе? – спросил Пан.

– Только мастерзингеры могли участвовать в конкурсе мастерзингеров. Для этого Вальтеру сперва надо было стать членом цеха.

– Это что-то вроде Союза композиторов, – догадался Боря.

– Вступление в цех мастерзингеров – дело непростое и небыстрое. Так что Вальтеру, казалось бы, остаётся лишь смириться с тем, что Ева никогда не будет принадлежать ему.

При этих словах Марианна бросила ехидный взгляд на Кирилла.

– Но Вальтер просто так не сдаётся! – ответил на её взгляд Хомяков. – Он намерен отчаянно бороться за свою любовь!

– И вот он отправляется в цех с просьбой принять его в свои ряды.

– Но разве это не требует долгих лет кропотливой учёбы? – перебил её Тельман.

– Вот поэтому мастера смеются над дерзким мальчишкой, который не знает правил и хочет сразу же стать мастерзингером.

Тем временем на сцене Вальтер пел одну из своих красивейших арий. Не зная правил, на одном лишь вдохновении, что дарила ему Ева, воспевал он весну, что сменяет собою зиму и рождает в душе поэта любовь и песню. Пан с искренним удовольствием слушал Вальтера, при этом думая про себя: «Вот и я сегодня так же, одним лишь вдохновением, не зная нотной грамоты, поразил бывалых мастеров».

Не менее искреннюю ненависть Пантелея вызвал жирный старикашка, который неожиданно прервал героя на полуслове.

– Это Бекмессер. Он вызвался судить Вальтера в его вступительном испытании. Но объективности от него ждать не приходится, ведь он сам надеется жениться на Еве.

Невзирая на усмешки профессоров, Вальтер допевает свою вдохновенную песню и покидает собрание с гордо поднятой головой. Занавес закрывается, публика аплодирует.

– Уже больше часа! – глянул Пан на часы. – Неужели это только первое отделение?

– Это самая огромная опера Вагнера. В полной версии больше четырёх часов чистой музыки. Но это сокращённая версия. Будет три отделения, а значит, два антракта.

– Трудно с непривычки? – Тельман похлопал Пана по плечу.

– Трудно, но безумно интересно, так что выдержу.

– А я, пожалуй, не выдержу, – проснулась Изольда. – Поеду домой. А то уже залипаю. Дедушка Вагнер действует на

меня усыпляюще.

Ребята пожелали ей счастливого пути и вздохнули с облегчением.

– Вагнер задумал эту оперу ещё в молодости, – продолжила лекцию Марианна. – Но всё время откладывал в долгий ящик. Практически писал всю жизнь. Она написана на его собственное либретто.

Начинается второе отделение.

– Это Ганс Закс. Он существовал в реальности и был величайшим из мейстерзингеров. В первом акте он тоже был на собрании и единственный пытался защитить Вальтера.

– Отчего же он так печален? – спросил Пан.

– Он тоже втайне любит Еву.

– Значит, тоже будет участвовать в конкурсе? – спросил Тельман.

– Нет, потому что твёрдо уверен в своей победе. Но, в отличие от Бекмессера, он интересуется также и мнением Евы.

– Он защищает Вальтера, потому что видит, что Ева любит его, и желает ей счастья, пусть даже с другим? – догадался Пан.

– Не только поэтому. Закс увидел в Вальтере большой потенциал.

– Он самородок, – пояснил Понуров.

– Прямо как ты, Пан, – добавила Манкина.

– А вот и Бекмессер. Он пытается петь серенаду под окнами Евы. Не сомневается в своей победе. Но Еве он так от-

вратителен, что она посылает к нему вместо себя свою служанку, переодетую в её платье. Бекмессер настолько стар и слеп, что даже не замечает подлога.

– Что это за стук? – спросил Тельман.

– Ганс Закс был не только музыкантом, но и башмачником. Он нарочито мешает Бекмессеру петь серенаду. Он ведь искренне хочет, чтобы Ева досталась Вальтеру, которого любит.

– Величайший из мастерзингеров – башмачник? – удивился Пан.

– Мастерзингеры вышли из простого народа. Своё искусство они противопоставляли косности старых мастеров, писавших только для избранных.

– Но если их искусство народное – какие же тогда цеха и правила?

– Мастерзингеры первыми попытались найти золотую середину – искусство профессиональное, но при этом понятное народу.

– Но потом и в их рядах образовались свои снобизмы и косности, – добавил Боря.

– А что это за малец напал на Бекмессера? – спросил Хом.

– Это Давид, подмастерье Закса. Служанка Евы – его невеста. Поэтому он увидел в Бекмессере конкурента.

Началась комичная потасовка, к которой в итоге (согласно законам жанра) присоединилось полгорода и которую в итоге (согласно законам жанра) прекратил свисток ночного

сторожа.

Снова занавес.

– Ну как, ещё держишься? – спросил Боря утомлённого Пана.

– Уровень восприятия слегка падает, но до конца досижу.

– Третье отделение – самое длинное, – предупредила Марианна.

Пан тяжело вздохнул.

– Здесь есть чего попить? – Его бил недетский сушняк.

– Есть, но всё слишком дорого, – ответил Хом.

– В туалете бесплатно, – улыбнулся Пан и отчалил в уборную.

Напившись воды из-под крана и сполоснув ей свою бритую голову, Пан вернулся в ложу. Восприятие его было перегружено впечатлениями от всего, что произошло за эти два дня в столице. Однако же он чувствовал в себе силы и желание досмотреть оперу до конца, ибо многое в ней было созвучно его мыслям.

Часы показывали уже около десяти. Добрая половина публики не выдержала и покинула спектакль. Зал наполовину опустел, и можно было смело идти в партер. Свободна была даже императорская ложа, где поначалу заседал какой-то важный чиновник. Но у наших героев уже не было сил перемещаться.

– Итак, Ганс Закс затащил Вальтера к себе, чтобы разбавить его природные данные азами мастерства – и тем са-

мым помочь выиграть состязание. «Грош цена вдохновению и таланту! – говорит ему величайший из мейстерзингеров. – Грош цена слепому следованию правилам. Только сочетание одного с другим может породить подлинный шедевр искусства!»

Вальтер показывает своему учителю новую песню, с которой намерен выступить на конкурсе – о встрече с возлюбленной в райском саду. И Ганс Закс помогает ему довести песню до совершенства. Вдохновенный порыв плюс зрелое мастерство.

Тут появляется Бекмессер. После ночной потасовки он обессилен и не может придумать ничего толкового. Увидев на столе листок со стихами Вальтера, он втихаря запихивает его себе в карман. Если Закс не будет участвовать в состязании – у Бекмессера нет конкурента. Тем более с такими стихами! И теперь Ева, без сомнений, станет его женой.

Занавес закрывается, но непрерывное течение музыки Вагнера продолжается.

– Это не антракт, – поясняет Марианна. – Лишь небольшая пауза для смены декораций. Даже её Вагнер решил наполнить музыкой.

Музыка была полна предвкушения чего-то важного и прекрасного, что вот-вот должно произойти на сцене. Наконец занавес вновь открылся, и публике предстала костюмированная массовка. Состязание началось. Казалось, на сцене больше людей, чем в зале. Особенно вкупе с оркестровой ямой,

где теснился необъятный вагнеровский оркестр.

– Вот Бекмессер с украденными стихами, – не уставала Марианна. – Он зрелый мастер, но возможно ли исполнить песню Вальтера без его вдохновения? Ничего не понимая в стихах влюблённого юноши, Бекмессер уходит оплётанный и освистанный публикой.

Вслед за ним выступает Вальтер. Ему и не нужно шпаргалок. Он помнит свою любовную арию наизусть, ведь каждая нота и каждая буква в ней идут от сердца. Он становится безусловным лидером, получает венок победителя, звание мастера и руку Евы.

– Хеппи-энд! – воскликнул Кирилл.

– Ура! – поддержал его Пан.

Занавес закрылся, и публика разразилась овациями.

– Друзья! – пытался перекрычать аплодисменты Тельман.

– Вы же опоздаете на последнюю электричку!

Все дружно глянули на часы. Было уже около полуночи. Вся компания разом сорвалась с места и бегом побежала к выходу, чуть не сбивая всех на своём пути.

Глава шестая, в которой Пан сравнивает себя с Данцигом

Пробежка на свежем воздухе была лучшим подарком после пяти часов оперы. Так и двигаясь наперегонки, ребята вернулись тем же путём через сквер на «Площадь Револю-

ции», где на бегу успели даже схватить за нос собаку.

– Всем пока! – попрощался с ребятами Тельман в переходе на «Курской».

– Тебе ведь тоже выходить, – сказала Марианна Кириллу.

– Я тебя провожу.

– Ты у меня не останешься.

– Я и не напрашиваюсь.

– Как потом домой вернёшься?

– Что-нибудь придумаю.

– Кирилл, прошу тебя...

– Вам без меня будет скучно ехать, – перебил её Хом.

– Это ещё почему?

– Зайдём в поезд – увидишь.

Остальные с интересом слушали их диалог и не меньше Марианны были заинтригованы тем, что же приготовил для них Кирилл. Очень скоро всеобщее любопытство разрешилось. Сиганув через турникеты, друзья едва успели забежать в последнюю электричку – двери закрылись прямо за спиной Пана, который зашёл последним. И не успели они устроиться в пустом вагоне, как Хомяков извлёк из внутреннего кармана куртки литровую бутылку «Белой лошади», которая неизвестно как туда поместилась, да ещё и оставалась незаметной всё это время.

– Пока всё не выпьем – не разойдёмся!

– Пока всё не выпьем – не сойдемся! – поправил его Пантелей.

Ребята были уставшие и голодные, к тому же не до конца отошедшие от вчерашней попойки. Поэтому виски, который они пили по кругу прямо из горла, моментально всех подкосил.

– Я не понял одного, – вдруг сосредоточил на себе внимание Пантелей Ярустовский. – Я ведь не семи пядей во лбу. Я никогда не учился музыке. Я простой человек. Башмачник! И Борис, столь безвременно нас покинувший – уж он-то, хоть и еврей, но башмачник в квадрате! Таких, как мы с Тельманом – миллионы! Десятки миллионов! Бóльшая часть населения этой многострадальной страны!

– К чему ты клонишь? – спросил Хом.

– Мы ведь смогли понять и оценить ваше искусство – значит, десятки миллионов людей способны им восхищаться! Мы ведь купили бы билеты на ваш концерт – значит, десятки миллионов людей купили бы!

– Допустим, – вмешалась Марианна. – И что из этого следует?

– Это я вас хочу спросить: как вам может кто-то мешать продвигать ваше творчество? Как может какой-то дебил Просняк, директор какой-то полуразвалившейся провинциальной шараги, единолично встать между вами и вашей публикой? Это же абсурд!

– Он не один, Пан, – грустно сказал Понуров.

– Это система, – пояснила Манкина.

– Какая, на хрен, система?! – всё больше распыхлялся Пан.

– Какого дьявола в таком случае была перестройка? Чтобы мы могли смотреть что хотим и снимать что хотим! Писать что хотим и читать что хотим! Играть что хотим и слушать что хотим! Разве может сегодня какая-нибудь партийная сволочь навязывать нам, с чем выходить на сцену, а с чем сидеть дома и молчать в тряпочку?

– И что ты предлагаешь? – иронично спросил Хомяков.

– Отчего бы нам не попробовать самим организовать концерт?

Тут ребята расхохотались, тыкая в него пальцами.

– Пан! – процедила сквозь смех Марианна. – Ты, когда пьяный, иной раз как ляпнешь чего-нибудь – хоть стой хоть падай!

И только Пану было отнюдь не до смеха.

– А что смешного?

– Думаешь, ты самый умный? – наклонился над ним Кирилл.

– Слышали про Данцига? – неожиданно сменил тему Пан.

– Про кого? – не понял Хом.

– Про великого математика Джорджа Данцига. Знаете, как он впервые заявил о себе во всеуслышание? Он тогда ещё учился в институте. И однажды педагог на лекции показал своим студентам задачу, которую решить невозможно. Сам Эйнштейн так и не нашёл ей решения! А что же Данциг? А Данциг был раздолбаем! Он, как обычно, проспал и опоздал на лекцию. И потому не слышал, что решить эту задачу

невозможно! Он думал, что на доске обыкновенное домашнее задание! И, покорпев над задачей часок-другой – взял и решил её! Он просто не знал, что решить её невозможно!

– Это ты к чему? – спросила Марианна.

– Я дилетант. Я мало что смыслю в музыке. Я ничего не понимаю в тех отношениях, что царят сегодня в музыкальном мире. Для меня загадка, по каким законам он существует. Я не знаю, что в нём возможно, а что невозможно. Но у меня свежий взгляд. Не замыленный стереотипами и предрассудками. Надо мной не довлеет ореол невозможности тех или иных возможностей. Меня не сковывает слава неразрешимости тех или иных проблем. Я вижу то, чего вы не видите!

– Пан, подожди, послушай, – замотал головой Кирилл. – Всё это очень красиво на словах. Всё это офигенно звучит в теории! Но на практике: где ты возьмёшь зал, если Просняк тебе его не даст? Арендуешь? Знаешь, сколько стоит аренда зала в Москве? Где ты возьмёшь столько денег?

– А реклама? – добавила Марианна. – Допустим, у тебя есть зал и первоклассная программа. Но как заполнить этот зал публикой? Как мотивировать людей прийти на твой концерт?

– Но как-то же люди организывают концерты! – возразил Пан. – Надо всего лишь придумать себе имидж, сценическое лицо, какой-то привлекательный бренд, который привлечёт народ одним лишь названием. И тогда найдётся спонсор,

который даст деньги на зал.

– И как же ты собираешься именовать нас? – спросил Понуров.

– «Новые мейстерзингеры»! – гордо произнёс Пан, подняв кверху указательный палец.

– Язык сломаешь! – возразила Манкина.

– И кто же, по-твоему, нас будет спонсировать? – спросил Хом.

– Деньги, которые нам нужны – для серьёзного бизнесмена мелочь в кармане!

– Но ведь и эту мелочь он просто так не отдаст, – справедливо заметила Марианна.

– Если не будет уверен, что она ему с лихвой окупится, – дополнил её Понуров.

– А любому дауну известно, что на классике не заработаешь! – добавила Манкина.

– Да поймите вы! – не унимался Пан. – Ничего никогда невозможно изменить, если сидеть сложа руки и причитать: этого мы не можем, того не можем, тут ничего не светит и там пошлют на хрен!

– Пан! – неожиданно посерьёзnel Хомяков. – Кто ты такой, чтобы учить нас жить?

– Э-э-э, нет! – вмешался Понуров. – Ребята, давайте не будем ссориться.

– Лучше выпьем! – предложила Манкина.

Все поддержали её предложение. На этом спор и закон-

чился. Так и ехали они дальше, распевая песни, до самого Пушкино, где добавили к опустошённой «Лошади» пару бутылок водки, которую тогда ещё можно было купить ночью.

Неожиданно взорам ребят предстал «Мерседес», видеть который в Пушкино было не менее удивительно, чем космическую ракету. Друзья обступили его со всех сторон, словно музейный экспонат. Пьяная в хлам Марианна залезла на капот и начала позировать, принимая всё более откровенные позы, приподнимая платье и оголяя шикарные бёдра. Хомяков изображал фотографа, прыгая вокруг неё с воображаемым объективом.

Больно стукнувшись лодыжкой о торчащий спереди логотип «Мерседеса», Марианна попробовала открутить его. Логотип не поддавался. Тогда Пан, как истинный джентльмен и самый крупный мужчина в компании, кинулся ей на помощь. Под его натиском логотип треснул и отломился. Пан радостно поднял кверху вырванную с корнем железку, хвастаясь своей богатырской силой.

Но оценить его поступок было некому. «Новых мастер-зингеров» как ветром сдуло. Вокруг было подозрительно тихо. Пан в недоумении оглянулся по сторонам: он был наедине с «Мерседесом». Куда же все вдруг подевались? Не иначе прикалываются?

И вдруг откуда ни возьмись на него сзади напали двое, скрутили, стукнули лбом о капот, заломили сзади руку, схватили за шкуру и погрузили в милицейский уазик, именуе-

мый в народе «козлом».

Глава седьмая, в которой сжигают рояль

– Так-так-та-а-ак!

Пантелея разбудило навязчивое постукивание железкой по другой железке. Похмелье было такое, что вчерашнее показалось бы раем. Тошнота подступала к горлу, и каждый жест вызывал головокружение. Всё тело ломило, во рту словно кошки нагадили, глаза слиплись, и Пан поначалу даже не понял, где находится.

Но одной железкой оказался логотип «Мерседеса», а другой – прут решётки, за которой лежал Пан на железных нарах. Тут он всё вспомнил. Это было отделение милиции, как она тогда называлась. В обезьяннике не было окна, помещение освещалось блёклой и гудящей лампой, и Пан даже не мог понять, утро сейчас или глубокая ночь.

– Ну и амбал! – сказал один жирный мент другому.

– Слышь, кабан! – крикнул Пану второй. – Ты хоть знаешь, чей это был мерс?

– Но это ещё не самое страшное! – добавил первый.

– Ты нам всю машину заблевал, мудила!

– Полчаса отмывали! – первый с этими словами уже открывал дверь обезьянника. – С вещами на выход!

Еле двигаясь, скукоженный Пан медленно выполз из камеры.

– Садись! – приказал ему один из ментов, подведя к столу и сев с другой стороны. – ФИО!

– Чё? – не понял задержанный.

– Фамилия, имя, отчество!

– А-а-а! – Пан прокашлялся и ответил: – ЯПО!

– Чё? – не понял милиционер.

– Ярустовский Пантелей Оскáрович.

– Шутить надумал? Документы где, Пантелей Ооскаревич?

– Господин милиционер... – начал было Пан, но мент его перебил:

– Господ всех упразднили в семнадцатом году. Обращайся ко мне «товарищ старший лейтенант»!

Пан снова прокашлялся.

– Товарищей всех упразднили в девяносто первом году, – остроумно подметил он. – Гражданин старший лейтенант! Отпустите меня, пожалуйста! – И молитвенно сложил руки.

Менты разразились хохотом.

– Ну шутник! – процедил сквозь смех старший лейтенант. – Короче! – вмиг остановил он веселье. – Ты понимаешь, Пантелей Ооскаревич, насколько серьёзные у тебя проблемы?

– Мужики, у меня нет ничего, хоть обыскивайте! – Пантелей даже вывернул карманы. – На кой чёрт вам со мной возиться?

– Ладно, хорош стращать парня! – посоветовал стоящий сзади коллега.

– Хрен с тобой, – вдруг заулыбался старший лейтенант. –

Тебе сегодня повезло. Радуйся! У капитана нашего сегодня свадьба.

– Женится начальник! – И коллега положил руки Пану на плечи.

Старший лейтенант снова произнёс своё фирменное громкое:

– Короче! У капитана на даче завал. Полная комната, до потолка забитая всяким хламом, который на хрен никому не нужен. Ну так вот. – Старший лейтенант встал. – Ты мужик здоровый, сильный, яйца у тебя на месте. В общем, комнату эту надо превратить в танцплощадку. Сегодня же. Сейчас же! У тебя два часа. Справишься – отпустим. Не справишься – пятнадцать суток тебя раком паять будем! Понял?

– Будет сделано, гражданин старший лейтенант! – Пантелей отдал честь.

Пана вывели из отделения, и неподалёку он увидел знакомый до боли забор. Оказывается, отделение находилось по соседству с шарагой, которая Пану уже казалась родной. Часы его остановились, но, судя по слепящему глаза солнцу и количеству людей на улице, было часов десять утра.

В голове снова скрипели ржавые рельсы, а душу пронзила обида на ребят, которые бросили его и даже не поинтересовались до сих пор, где он и что с ним. Он на их месте уже давно наведалься бы в отделение (которое к тому же находилось в соседнем доме) и уговаривал ментов отпустить заблудшего друга Хомякова или Понурова, окажись кто-то из них на его

месте. А сейчас ехал бы вместе с заблудшим другом на дачу жениха-капитана. Пан чувствовал себя одиноким и брошенным наедине с собственным похмельем, которое било по всему телу словно тысячей маленьких электрических разрядов. Пана знобило, зубы стучали, руки тряслись, желудок так и готов был того и гляди снова вывернуться наизнанку.

Его посадили в ту же машину, на которой привезли вчера в отделение. Вернее, это было уже сегодня, ибо то была глубокая ночь. В машине воняло его блевотиной. Плохо замывшие следы её были заметны на обивке сидений.

– Вот теперь сам и нюхай, бедолага! – сказал старший лейтенант, сидевший за рулём.

Они ехали всего минут пять. Или Пану так показалось, ибо он вырубился, как только машина тронулась, и проснулся уже на месте. Трудно было определить, являлось ли место назначения частью города Пушкино или уже каким-нибудь селом Гадюкино Пушкинского района. Капитанская дачка была довольно крупной, но ветхой. По всему видно было, что жил в ней не капитан, а какой-нибудь дедушка или бабушка его самого или его невесты. Удобства были на улице. По грядкам шастал пушистый чёрный котяра, а на привязи лаяла на нового гостя покоцанная дворняга. Пана завели в большущий амбар, который и правда был до потолка завален поломанной советской мебелью.

– Давай, приступай, – скомандовал старший лейтенант.

– И куда это всё?

– Прямо сюда, во двор. Вечером устроим охрененный кострище!

– А ведь кто-то бы эту мебель с руками оторвал, – справедливо заметил Пан.

– Да кому оно на хрен надо, это барахло! Вываливай всё на траву!

И Пан начал разгребать заросшие паутиной завалы, вытаскивая один за другим обветшалые предметы роскоши хрущёвских, а иногда и сталинских времён: столы и стулья, серванты и кресла, шкафы и антресоли, шифоньеры и тумбочки, комоды и полочки, даже диваны и кровати. Старший лейтенант с коллегой стояли и курили, посмеиваясь, в дверях амбара. Очевидно, это *их* капитан подрядил ворошить своё прошлое, а они и рады, что нашли козла отпущения.

Бог весть как долго Пан занимался этим. Он не чувствовал времени. Тело работало, а сознание спало. Ни одна мысль не находила сил пробежать в его воспалённой с бодуна голове. Но что же это такое прячется под завалами – огромное, чёрное, со знакомыми до боли изгибами? Быть может, ему мерещится? Быть может, это порождённые дичайшим похмельем галлюцинации? Не может быть, чтобы это было то, о чём он думает! И только тогда, когда ничего другого не осталось во всём помещении, Пан поверил своим глазам.

Это был рояль. Пан открыл крышку и увидел логотип изготовителя: С. BECHSTEIN. Несмотря на скромные познания в области музыки, Пану было известно, что «Бехш-

тейн» наряду со «Стейнвеем» – лучшие производители роялей всех времён и народов. Пан взял первый попавшийся аккорд. Рояль был в отличном состоянии, хотя и расстроен. Но звук его словно изливал бальзам на душу Пана, возрождая к жизни его измученное нутро. Такой рояль мог бы стоять на сцене Большого зала консерватории. Одному Богу известно, откуда мог взяться на капитанской дачке под завалами старый, расстроенный, но ещё вполне пригодный к эксплуатации «Бехштейн».

– Да ты из шараги, что ль? – воскликнул старший лейтенант, услышав игру Пана. – Что ж сразу не сказал?

– Откуда он здесь? – спросил Пан, имея в виду рояль.

– Ты меня спрашиваешь? Давай его тоже в костёр!

– Да вы что! – возмутился Пан, чуть не с кулаками готовый наброситься на мента. – Это же инструмент! Хороший, в отличном состоянии! Сотни людей найдутся, готовые его забрать и оплатить перевозку! Его даже продать можно! За хорошие деньги!

– Слышь, умник! – подошёл к нему старший лейтенант, потянувшись рукой к дубинке. – Делай, что тебе говорят, чуело! А то пятнадцать суток тебе как пить дать!

– Давайте я лучше сыграю на нём! – пришло в голову Пану. – Вам что, на свадьбе музыка не нужна?

– А в самом деле, чё? – крикнул младший. – Пусть полабает. Для танцев тут места хватит.

– Дело твоё, – покачал головой старший. – Мог бы уйти

отсюда свободным человеком минут через пять. А теперь тебе тут жопу надрывать до самого вечера!

– Ничего, справлюсь, – обрадовался Пантелей.

Он всерьёз полагал, что таким образом сможет спасти ролю от неминуемой гибели. Поиграет до вечера, пока все не уснут мордами в салате. По крайней мере, сегодня и завтра никому уже дела не будет до несчастного «Бехштейна». А там уж он сможет найти ему достойного владельца. Да разве откажется администрация училища от бесплатного инструмента такого качества?

– Ладно, пойди перекуси пока, – сказал старший лейтенант. – И опохмелись, а то рожа отёкшая, детей напугаешь!

Каких-то пять минут назад Пану кусок в горло не лез, хотя он со вчерашнего дня ничего не ел. Но теперь ему стало легче от одной лишь мысли, что он снова может принести кому-то пользу – а значит, его жизнь снова имеет смысл, пусть даже такой скромный, всего на денёк-другой.

Пока некая женщина мыла в освобождённом амбаре полы, Пантелей, воодушевлённый своей новой миссией, зашёл в соседствующую с амбаром гостиную, где уже был накрыт стол и собирались гости. Украд со стола рюмку водки, бутерброд с колбасой и солёный огурчик, он и вовсе забыл о похмелье, думая лишь о том, как бы не застесняться своих слушателей, как это обычно с ним бывало.

Слушателей на этот раз было немалое количество – прям настоящее серьёзное выступление! Но успокаивала мысль,

что среди них едва ли найдётся хоть один музыкант. Наверняка все они такие же башмачники, как и он. А значит, не способны оценить верность или неверность следования правилам цеха – а только вдохновение и настроение игры.

Праздничный стол буквально ломился от разнообразных яств. Вернее, то был не стол, а порядка десяти столов, поставленных квадратом, внутрь которого был единственный проход. И по внешней, и по внутренней стороне квадрата расселись гости. Стены были завешаны воздушными шарами, сердцами и надписями типа «Совет да любовь». Во главе стола пустовали два самых роскошных кресла – очевидно, для жениха и невесты, прихода которых все с нетерпением ждали, чтобы наконец начать пьянку.

И вот они появились под всеобщий свист и крик «ура молодым!». Надо сказать, оба они были на редкость уродливы. Даже свадебное платье не могло украсить невесту, ещё более дурнолицую, чем Изольда. Не могло оно скрыть и её округлившийся живот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.